

1

Женщина сидела в баре отеля, наблюдая за входной дверью. Смотрелась изящно: белая блузка, светлые волосы заправлены за уши. Бросив взгляд на экран мобильного, где был открыт мессенджер, она снова оглянулась на дверь. Конец марта, в баре было тихо, а справа за окном солнце уже опускалось за Атлантику. Четыре минуты восьмого, затем пять, шесть минут восьмого. Мельком и без особого интереса она посмотрела на свои ногти. В восемь минут восьмого в дверь вошел мужчина. Стройный, темноволосый, лицо узкое. Оглядел посетителей, достал мобильник и скользнул взглядом по экрану. Женщина у окна заметила его, но просто наблюдала и не пыталась привлечь внимание. Они были примерно одного возраста: обоим сильно за двадцать или слегка за тридцать. Она так и не шелохнулась, пока он сам не заметил ее и не подошел.

Ты Элис? — сказал он.

Это я, ответила она.

Ага, а я Феликс. Прости, что опоздал.

Она мягко ответила: Все нормально. Он спросил, что она будет пить, и пошел к бару заказывать. Официантка поинтересовалась, как дела, и он ответил: Все хорошо, а у тебя? Он взял водку, тоник и пинту лагера. Бутылку тоника к столу не понес —

тут же перелил в стакан быстрым привычным движением. Женщина за столом в ожидании барабанила пальцами по подставке для пива. С тех пор как в зал вошел мужчина, она держалась бодрее и оживленнее. Всмотривалась в закат за окном, будто ей и в самом деле интересно. Мужчина вернулся с напитками; капля пива убежала через край, и женщина наблюдала, как та быстро скользит по стенке стакана.

Ты говорила, что переехала сюда недавно, сказал он. Ничего не путаю?

Она кивнула, сделала глоток и облизала верхнюю губу.

Зачем? — спросил он.

В каком смысле?

В смысле обычно народ не стремится сюда переехать. Люди уезжают отсюда, и это понятно. Вряд ли ты здесь по работе?

А. Нет, не совсем.

Они коротко переглянулись — очевидно, он ожидал более развернутого объяснения. Ее лицо дрогнуло, словно она раздумывала, стоит ли говорить, а затем непринужденно, почти заговорщически улыбнулась.

Ну, я просто искала, куда бы переехать, сказала она, а потом услышала про дом тут недалеко от города, мой друг знаком с владельцами. Они, оказывается, пытались его продать целую вечность и в конце концов решили пока что поселить там кого-нибудь. А я подумала, что здорово будет пожить у моря. Просто вдруг захотелось. И, короче... Больше и нечего рассказать, никаких других причин.

Он пил и слушал ее. К концу фразы она как будто немного разнервничалась — дыхание сбилось, на ли-

це читалась какая-то насмешка над собой. Он невозмутимо посмотрел этот спектакль и отставил стакан.

Ясно, сказал он. А до этого ты жила в Дублине, да?

Не только. Какое-то время в Нью-Йорке. Вообще я из Дублина — кажется, я говорила. Но до прошлого года жила в Нью-Йорке.

И что собираешься тут делать? Работу искать?

Она помолчала. Он улыбнулся и откинулся на стуле, по-прежнему глядя на нее.

Прости, что допрашиваю, сказал он. Мне кажется, ты еще не все рассказала.

Да нет, ничего. Но, как видишь, отвечать я не мастер.

Ладно, а кем ты работаешь? Это последний вопрос.

Теперь она улыбнулась натянуто. Я писательница, сказала она. Может, ты расскажешь, чем занимаешься?

Да ничем особенным. Мне интересно, о чем ты пишешь, но спрашивать не буду. Я работаю на складе компании по доставке товаров, за городом.

И что делаешь?

Ну, что делаю, философски отозвался он. Собираю заказы с полок, складываю на тележку и отвожу наверх, чтоб их упаковали. Не очень-то захватывающе.

Так тебе не нравится?

Господи, нет, конечно, сказал он. Я, блин, ненавижу это место. Но, если бы я делал что нравится, вряд ли мне стали бы платить, правда? В этом и суть работы: если дело хоть немного приятное, любой им займется бесплатно.

Так и есть, улыбнувшись, сказала она. За окном небо потемнело, и на парковке трейлеров зажигались огни: прохладное соленое свечение уличных фонарей и теплее, желтее — в окнах. Официантка вышла из-за стойки бара протереть пустые столы. Та, кото-

рую звали Элис, несколько секунд следила за ней, а затем снова взглянула на мужчину.

Ну, и как тут люди развлекаются? — спросила она.

Как и везде. В округе несколько пабов. В Баллине ночной клуб, это минут двадцать отсюда на машине. Само собой, есть аттракционы, но это больше для детей. Ты, я так понимаю, друзей тут еще не завела?

По-моему, ты первый человек, с которым я разговариваю с тех пор, как приехала.

Его брови поползли вверх. Ты стеснительная? — сказал он.

Сам как думаешь?

Они переглянулись. Нервозности в ней уже не было, но осталась какая-то отстраненность; его глаза блуждали по ее лицу, словно он пытался ее разгадать. Прошла секунда, другая, но ему, похоже, это так и не удалось.

Думаю, да, сказал он.

Она спросила, где он живет, и он ответил, что они с друзьями снимают дом неподалеку. Наверное, даже прямо отсюда видно, сразу за парковкой трейлеров, добавил он, взглянув в окно. Он потянулся через стол, чтобы показать ей, но потом решил, что уже слишком темно. В общем, вон там, с другой стороны, сказал он. Когда он подался ближе к ней, их глаза встретились. Она тут же перевела взгляд на свои колени, а он, откидываясь назад, вроде бы сдержал улыбку. Она спросила, здесь ли живут его родители. Он ответил, что мама умерла год назад, а отец «черт его знает где».

В смысле, если честно, он где-то, например, в Голуэе, добавил он. Не на пути в Аргентину, ничего такого. Но я сто лет его не видел.

Сожалею о смерти твоей мамы, сказала она.

Да. Спасибо.

Я, честно говоря, тоже давно не видела отца. На него не очень-то можно положиться.

Феликс оторвал взгляд от своего стакана. Даже так? — сказал он. Пьяница?

Ммм. И, знаешь, все время выдает какие-то истории.

Феликс кивнул. Я думал, это твоя работа, сказал он.

Тут она заметно покраснела, что его удивило и даже встревожило. Очень смешно, сказала она. Ну не важно. Может, еще выпьем?

Они выпили еще, и еще. Он спросил, есть ли у нее братья или сестры, и она ответила: да, младший брат. Он сказал, что у него тоже брат. Они уже допивали по третьему стакану, Элис разругалась, в глазах появился стеклянный блеск. Феликс выглядел так же, как и когда явился в бар, и держался точно так же, и говорил. Она все чаще блуждала взглядом по залу, рассеянно разглядывая все подряд, а он все внимательнее и пристальнее всматривался в нее. Она развлекалась, позвякивая кусочком льда в пустом стакане.

Хочешь взглянуть на мой дом? — спросила она. Мне все хочется похвастаться перед кем-нибудь, но некого пригласить. В смысле я приглашу друзей, конечно. Но они все далеко.

В Нью-Йорке.

В основном в Дублине.

А где дом? — сказал он. Пешком дойдем?

Разумеется, дойдем. Придется дойти. Я не вожу машину, а ты?

Не сейчас, нет. Я бы не рискнул, по-любому. Но права у меня есть, да.

Вот как, проворковала она. Весьма романтично. Еще выпьешь или пойдём?

Он едва заметно нахмурился в ответ: может, ему не понравился вопрос, или то, как она его задала, или слово «романтично». Она рылась в сумочке, не поднимая головы.

Да, давай выдвигаться, почему нет, сказал он.

Она встала и принялась натягивать бежевый однобортный плащ-ветровку. Он наблюдал, как она подгибает один рукав вровень с другим. Стоя он был не намного выше ее.

Далеко идти? — сказал он.

Она игриво улыбнулась. Засомневался? — сказала она. Если устанешь, всегда можешь бросить меня и развернуться, мне не привыкать. К пешим прогулкам, в смысле. Не к тому, что меня бросают. Возможно, и к этому я тоже привычная, но в таком я едва знакомому человеку не призналась бы.

Он ничего не ответил, просто кивнул — мрачно-вато и снисходительно, словно после часа-двух разговора уже отметил ее манеру блистать «остроумием» и сыпать словами и решил не обращать внимания. Выходя, он пожелал хорошего вечера официантке. Что поразило Элис — она даже оглянулась через плечо, словно пытаясь заново рассмотреть эту женщину. На улице, уже на дорожке, она спросила, знает ли он официантку. Волны с тихим плеском разбивались у них за спиной, воздух остыл.

Девушку в баре? — сказал Феликс. Да, знаю. Шинейд. А что?

Она, наверное, удивилась, с чего вдруг ты там болтал со мною.

Без особых эмоций Феликс ответил: Я бы сказал, что она догадывается. И куда нам?

Элис засунула руки в карманы плаща и зашагала вверх по холму. В его тоне ей почудился вызов или даже неприятие, но это не испугало ее, а, наоборот, добавило ей решимости.

Так ты часто встречаешься там с девушками? — спросила она.

Ему пришлось ускориться, чтобы поспевать за нею. Станный вопрос, ответил он.

Разве? Видимо, я странный человек.

Какое твое дело, встречаюсь ли я там с кем-то? — сказал он.

И правда, все, что тебя касается, — совершенно не мое дело. Просто любопытно.

Он словно обдумал эти слова и спустя время повторил, тише и уже не так уверенно: Да, но я не понимаю, как это тебя касается. И через несколько секунд добавил: Это ты предложила встретиться в отеле. Просто для информации. Я туда обычно не хожу. Так что нет, я не часто встречаюсь там с людьми. Нормально?

Нормально, просто отлично. Мое любопытство разыгралось, когда ты обронил, мол, девушка из бара «догадывается», что мы там делаем.

Ну, я думаю, она догадалась, что у нас свидание, сказал он. Я имел в виду ровно это.

Хотя Элис не оглянулась на него, лицо ее повеселело — слегка или, может, иначе. Тебя не пугает, что твои знакомые увидят тебя на свидании с кем-то не из местных? — спросила она.

Ты намекаешь, что это как-то неловко или типа того? Не вижу проблемы.

Весь оставшийся путь вверх по дороге вдоль берега они разговаривали про круг общения Феликса — точнее, Элис задавала вопросы, а он, коротко обду-

мав, отвечал, и оба из-за шума моря говорили громче прежнего. Он не выказывал удивления, на вопросы отвечал с готовностью, но не слишком развернуто и не добавлял ничего сверх того, о чем спрашивали. Рассказал, что в основном общается с людьми, которых знает еще со школы, либо с приятелями по работе. Эти два круга пересекались, но лишь отчасти. Он, в свою очередь, не спрашивал ничего — может, его насторожили ее робкие ответы на его предыдущие вопросы, а может, ему стало неинтересно.

Ну вот и пришли, сказала она наконец.

Куда?

Она отворила маленькую белую калитку и сказала: Сюда. Он остановился и посмотрел на дом, стоявший на склоне посреди зеленого сада. Окна в доме были темны, деталей фасада не рассмотреть, но по лицу Феликса было ясно: он понял, где они оказались.

Ты живешь в пасторском доме? — сказал он.

Ой, я не думала, что ты его знаешь. Я бы тогда еще в баре рассказала, я не пыталась изображать загадочность.

Элис держала калитку открытой, и Феликс, не отрывая взгляда от силуэта особняка, что возвышался перед ними фасадом к морю, шагнул во двор. Вокруг них шелестел на ветру сумрачный зеленый сад. Она легко зашагала по дорожке, обшарила сумочку в поисках ключей. Ключи звенели где-то внутри, но никак не удавалось их нащупать. Он молча стоял рядом. Она извинилась, что ему приходится ждать, включила фонарик мобильника и осветила в сумку, а на ступени дома пролился холодный серый свет. Феликс держал руки в карманах. Нашла, сказала она. И открыла дверь.

Внутри оказался огромный холл с красно-черной узорчатой плиткой на полу. Под потолком висел стеклянный абажур под мрамор, изящный хлипкий столик у стены украшала резьба по дереву — фигурка выдры. Элис бросила ключи на столик и мельком взглянула в тусклое, с разводами зеркало на стене.

Ты одна снимаешь этот дом? — сказал он.

Да, понимаю, сказала она. Он слишком огромный, это очевидно. И я трачу миллионы, чтобы его обогреть. Но здесь мило, правда? И я не плачу за аренду. Пойдем на кухню? Я включу отопление.

Он пошел за нею по коридору в просторную кухню с встроенными шкафчиками у одной стены и обеденным столом у другой. Над раковиной было окно на задний двор. Феликс стоял в дверном проеме, пока Элис искала выключатель. Она обернулась.

Присаживайся, если хочешь, сказала она. Но если предпочитаешь стоять, то непременно оставайся на ногах. Может, бокал вина? Из выпивки у меня больше ничего нет. Но я сначала выпью воды.

А что ты пишешь? Если ты писательница.

Она ошеломленно обернулась. Если я писательница? — сказала она. Сомневаюсь, что ты решил, будто я вру. Я тогда придумала бы что-нибудь получше. Я романистка. Пишу книги.

И ты этим зарабатываешь?

Словно почуяв в вопросе новый подтекст, она опять глянула на него и продолжила наливать воду. Зарабатываю, сказала она. Он, не отрывая от нее глаз, сел за стол. Мягкие стулья были обиты грубоватой шерстяной тканью кирпичного цвета. Все вокруг сияло чистотой. Он потер гладкую столешницу подушечкой указательного пальца. Она поставила перед ним стакан воды и тоже села к столу.

Ты уже здесь бывал? — сказала она. Ты знаешь этот дом.

Нет, я просто вырос в этом городе. Но не был знаком с теми, кто здесь жил.

Да я сама их почти не знаю. Пара в возрасте. Женщина, кажется, художница.

Он молча кивнул.

Я могу провести тебе экскурсию, если хочешь, добавила она.

Он по-прежнему молчал и на этот раз даже не кивнул. Ее это не обескуражило; похоже, это лишь подтверждало некие подозрения, которые она уже какое-то время вынашивала, так что она снова заговорила в той же бесстрастной, чуть саркастичной манере.

Наверное, по-твоему, я сумасшедшая, раз живу тут одна, — сказала она.

Бесплатно-то? — ответил он. С хрена ли? Сумасшедшей ты была бы, если бы отказалась. Он беззастенчиво зевнул и посмотрел в окно — точнее, на окно, потому что снаружи уже стемнело и стекло лишь отражало обстановку комнаты. Просто любопытно: сколько здесь спален? — спросил он.

Четыре.

И где твоя?

Она даже не моргнула, услышав этот внезапный вопрос, но еще несколько секунд пристально всматривалась в свой стакан, а потом взглянула прямо на Феликса. Наверху, сказала она. Они все наверху. Показать?

Почему бы и нет, сказал он.

Они встали из-за стола. На лестничной площадке второго этажа лежал турецкий ковер с серыми кистями. Элис толкнула дверь в свою спальню и включила

торшер. Слева стояла большая двуспальная кровать. Половицы голые, а вдоль одной стены камин, облицованный плиткой нефритового оттенка. Справа большое подъемное окно смотрело на море, в темноту. Феликс подошел к окну, наклонился к стеклу, и его тень заслонила яркий отраженный свет.

Днем, наверное, отличный вид, сказал Феликс.

Элис так и стояла у дверей. Да, прекрасный, сказала она. По вечерам даже лучше.

Он отвернулся от окна, взглядом просканировал обстановку, а Элис наблюдала.

Очень славно, оценил он. Очень славная комната. Ты собираешься писать у нас книгу?

Попытаюсь, пожалуй.

А о чем твои книги?

Ну, я не знаю, сказала она. О людях.

Как-то расплывчато. О каких людях — типа тебя?

Она холодно посмотрела на него, словно собираясь что-то сказать: возможно, что разгадала его игру и даже позволит ему выиграть, если он будет играть по правилам.

Что я, по-твоему, за человек? — сказала она.

Видимо, что-то в спокойной холодности ее взгляда выбило его из колеи, и он коротко, хрипло хохотнул. Так-так-так, сказал он. Я с тобой познакомился пару часов назад, еще не успел разобраться.

Надеюсь, ты со мной поделиться, когда разберешься.

Возможно.

Она постояла очень тихо, а он послонялся по комнате, притворяясь, что рассматривает разные штуки. Они знали, оба знали, что должно произойти, но ни один не смог бы объяснить, откуда знает. Она невозмутимо ждала, пока он озирался, и наконец —

видимо, уже не в силах оттягивать неизбежное — он сказал «спасибо» и ушел. Она проводила его по лестнице — но не до конца. Она стояла на ступенях, когда он вышел за дверь. Ничего не попишешь, бывает. Обоим после было паршиво, и оба так толком и не поняли, почему финал вечера оказался настолько провальным. Стоя на лестнице, в одиночестве, она оглянулась на лестничную площадку. Теперь проследите за ее взглядом и обратите внимание, что дверь в ее спальню осталась открытой, и сквозь перила белеет кусок стены.